

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
 ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
 П. В. НИКИТИНА

I. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

О 527–531 стихах «Персов» Эсхила^{2*}

[79] Царица Атосса оставляет сцену — площадь перед дворцом, чтобы идти помолиться богам и приготовить все необходимое для жертвенного возлияния, которое должно совершиться на могиле Дария. Заявив об этом своем намерении (vv. 521–526 ed. Dindorf. V), царица дает хору старцев, царских советников, следующие приказания (vv. 527–531):

ὑμᾶς δὲ χρῆ' πὶ τοῖσδε τοῖς πεπραγμένοις
 πιστοῖσι πιστὰ ξυμφέρειν βουλευμάτα·
 καὶ παῖδ', ἕαν περ δεῦρ' ἐμοῦ πρόσθεν μόλῃ
 παρηγορεῖτε, καὶ προλέμπετ' ἐς δόμους,
 μὴ καὶ τι πρὸς κακοῖσι προσθῆται κακόν.

На основании заключающегося в этих словах намек на дальнейшее развитие драматического действия всякий читатель, привыкший к простоте построения древней греческой трагедии, будет ожидать, что сын Атоссы Ксеркс появится на сцене прежде, чем успеет вернуться из дворца Атосса.

Но на этот раз ожидания читателя, чуткого к приемам древнегреческой драматургии, будут обмануты: Атосса очень скоро (после 597 стиха) вернется из дворца, пройдет довольно длинная сцена (628–680) вызывания тени Дария, подымется из могилы эта величественная тень и будет долго беседовать с хором и с царицей (681–842), Атосса снова уйдет со сцены (после 851), хор воспоет славу царства персидского при Дарии — только тогда уже (после 906) появится несчастный, потерявший всякое присутствие духа Ксеркс.

¹ Орфография (кроме собственных имен) и пунктуация всех текстов даются в соответствии с современными правилами при сохранении стилистических особенностей автора. Текст в круглых и угловых скобках принадлежит П. В. Никитину. В квадратных скобках публикатором раскрыты приведенные П. В. Никитиным в сокращенной форме ссылки на литературу; в историко-научных работах даны переводы цитат; в публикуемых архивных материалах даны ссылки на литературу; указаны выходные данные статей.

^{2*} [Публ.: ЖМНП. 1876. Ч. 187. Октябрь. Отд. классической филологии. С. 79–84.]

Как объяснить противоречие между этим ходом пьесы и тем развитием действия, которое предназначено в приказах Атоссы хору? Может быть, в этом противоречии скрывается какой-нибудь [80] драматический эффект? Какой же именно? Не есть ли это эффект обманутого ожидания, состоящий в том, что действие развивается не так, как ожидает зритель? Мы чувствуем силу этого эффекта, когда великое оказывается смешным, когда слезы печали обращаются в слезы радости и наоборот. Посмотрим, какова могла быть сила этого эффекта в данном случае. Ксеркс появляется не так скоро, как ожидал зритель вместе с Атоссой — это раз; вызывание тени Дария происходит до прихода Ксеркса, а не в его присутствии — это два. Вот и все. Можно ли поверить, чтобы сколько-нибудь талантливый драматический поэт стал гоняться за подобного рода эффектами? Если же в указанном нами противоречии никакого эффекта не заключается, то должны ли мы признать это противоречие результатом небрежности самого Эсхила, или же следует выбросить из текста трагедии, как интерполяцию, те слова Атоссы, которыми противоречие внесено в ход пьесы?

Но эти слова, совершенно не нужные для хода пьесы, для ее внешней стороны, важны и дороги для ее внутреннего содержания — для характеристики действующего лица: ими обрисовывается глубокая материнская любовь Атоссы, в них слышится попечительная заботливость матери, которая хочет и предусмотреть, и предупредить все опасности, какие только могут угрожать ее несчастному детищу. Атосса опасается, что ее сын, без того уже тяжело страдающий от оскорблений, нанесенных его гордости Греками, лишит себя жизни, став лицом к лицу с почтенными стариками, дети которых погибли в его безрассудном предприятии. Такова будет идея слов Атоссы:

παρηγορεῖτε καὶ προλέμτετ' ἐς δόμους,
μὴ καὶ τι πρὸς κακοῖσι προσθῆται κακόν,

если сопоставить их с содержанием всей пьесы. Такая идея, без сомнения, заслуживала того, чтобы для ее обнаружения избран был поэтом самый пригодный, самый выгодный для нее момент драматического действия. Таков ли тот момент, в котором мы теперь застаем ее в наших текстах трагедии Эсхила?

Восставший из гроба Дарий, указав причину неудачи Ксерксова похода в гордости, которая мечтала побороть силы природы и обойти определения самой судьбы (стихи 739 сл.), отходя опять в подземный мир, обращается с наставлениями, с одной стороны, к хору старцев:

[81] ...ἐκεῖνον σωφρονεῖν κεχρημένον
πινύσκειτ' εὐλόγοισι νουθητήμασι,
λήξαι θεοβλαβοῦνθ' ὑπερκόλῳ θράσει (ст. 829 сл.),

с другой, к Атоссе:

σὺ δ' ὦ γεραιὰ μήτηρ ἢ Ξέρξου φίλη,
ἐλθοῦσ' ἐς οἴκους κόσμον ὅστις εὐπρεπῆς
λαβοῦς' ὑπαντίαζε παιδί. παντὶ γὰρ
κακῶν ὑπ' ἄλλους λακίδες ἀμφὶ σώματι
στημορραγοῦσι ποικίλων ἐσθημάτων.
ἀλλ' αὐτὸν εὐφρόνως σὺ πράυνον λόγοις·
μόνης γὰρ, οἶδα, σοῦ κλύων ἀνέξεται (ст. 832 сл.).

Словами ἀλλ' αὐτὸν εὐφρόνως σὺ πράυνον λόγοις Дарий убеждает свою супругу удерживать сына от порывов слишком глубокого отчаяния. Такой смысл получают эти слова Дария при сопоставлении их, с одной стороны, со словами непосредственно предшествующими παντὶ γὰρ κακῶν ὑπ' ἄλλους и проч., а с другой — с наставлением, данным хору старцев. Старцы, как советники царя в делах государственных, должны на будущее время удерживать его от слишком смелых предприятий (ст. 830): таков смысл наставления, данного хору. Если бы в наставлении, данном Атоссе, заключался тот же самый смысл, то вышло бы тождество; мало того, делая наставление хору, Дарий противоречил бы самому себе, так как, обращаясь к Атоссе, он говорит: μόνης γὰρ, οἶδα, σοῦ κλύων ἀνέξεται. Нет, роль матери должна быть, очевидно, иная, чем роль царских советников: их деятельность должна быть *постоянная* (πινύσκειτ'), для деятельности матери Дарий имеет в виду какой-то *отдельный* момент (πράυνον), и легко догадаться, какой именно: Атосса силой своего материнского влияния должна удалить из пораженной отчаянием души Ксеркса мысль о самоубийстве.

Если Атосса уже прежде, намереваясь удалиться внутрь дворца на несколько минут, умоляла старцев удерживать от самоубийства ее сына в случае, если бы она не успела своевременно встретить его, то тем более теперь, когда Ксеркс был уже близко к Сузам, Атосса, удаляясь на более продолжительное время (она не успевает появиться на сцене до самого конца пьесы), должна была ожидать, что она не успеет встретить сына и — под влиянием мрачных предсказаний и предостережений Дария — должна была опасаться, не наложил бы на себя рук ее несчастный сын.

Таковы, кажется, должны быть чувства Атоссы после речей Дария; [82] но не таковы оказываются они в изображении поэта, если верить, что мысль поэта верно сохранена нашими рукописями и изданиями. Когда Дарий снова нисходит в царство теней, Атосса удаляется, произнося слова:

ὦ δαίμον, ὡς με πόλλ' ἐσέρχεται κακὰ
ἄλγη, μάλιστα δ' ἦδε συμφορὰ δάκνει,
ἀτιμίαν γε παιδὸς ἀμφὶ σώματι
ἐσθημάτων κλύουσαν, ἢ νιν ἀμπέχει.

ἀλλ' εἶμι, καὶ λαβοῦσα κόσμον ἐκ δόμων
ὑπαντιάζειν παιδί μου περάσομαι.

οὐ γὰρ τὰ φίλτατ' ἐν κακοῖς προδώσομεν (845–851).

Значит, нежно любящая мать смущается теперь только тем, что ее сын явится перед своими подданными в неприличном костюме, а что он в припадке отчаяния может умертвить себя, этого она уже не опасается? Чем же может быть произведена такая перемена в чувствах царицы? Ужели речами ее супруга? Ужели теми, только что произнесенными, словами Дария (ἀλλ' αὐτὸν εὐφρόνως σὺ πρᾶννον λόγοις· μόνης γὰρ, οἶδα, σοῦ κλύων ἀνέξεται), в которых заключается ясный намек на возможность самоубийства?

Нет, Эсхил не мог создать такой нелепости. Мы имеем тем менее права возлагать ответственность за нее на поэта, чем легче отыскивается средство для устранения этой несообразности из текста пьесы. А отыскать его очень нетрудно.

Мы видели уже, что стихи 527–536 сообщают ложное и совершенно не нужное представление о последующем развитии внешнего действия пьесы. Но те же самые стихи, будучи поставлены после 851 стиха, вводят в развитие внутреннего (психического) действия такой момент, который, как мы старались доказать, совершенно необходим для сколько-нибудь правдоподобного изображения состояния чувств Атоссы после речей Дария. Момент этот — опасение, что ее сын лишит себя жизни (μὴ καὶ τι πρὸς κακοῖσι προσθῆται κακόν). Итак, мы полагаем, что *стихи 527–531 стоят не на своем месте, что они должны быть поставлены после 851-го стиха.*

Едва ли кто-нибудь будет искать возражения против предложенной нами перестановки 527–531 стихов в стихе 838-м. Убеждение Дария, в данном случае, могло не быть убеждением Атоссы: она могла считать старцев-советников способными если не совершенно удалить из души Ксеркса мысль о самоубийстве, то, по крайней мере, сдержать порывы его отчаяния до того времени, когда [83] встретит его она сама со всемогущей силой своей материнской любви. Так или иначе, но во всяком случае царица должна была искать помощи старцев, потому что она не знала другого средства предупредить возможную, в ее отсутствие, несчастную случайность.

Более веское, по-видимому, возражение представляется в том обстоятельстве, что хор старцев, встречая и провожая Ксеркса (918 сл.), не делает никаких усилий для того, чтобы удержать царя от самоубийства. Но дело в том, что этих усилий и не нужно, потому что царь вовсе не оказывается такой сильной натурой, для которой уничтожение любимых планов и целей жизни делает самую жизнь ненужным бременем: царь плачет и стонет, как

все слабохарактерные люди, он только жалеет, зачем не случилось то, что не случилось, зачем он не погиб тогда, когда гибли его лучшие слуги (915–917), но ни единым словом он не намекает на решимость теперь лишиться себя жизни; таким образом, хор получает ничем не стесняемую возможность, оставив в стороне личное горе царя, предаться плачу о горе общественном — о несчастьях всего персидского царства. Впрочем, для всякого должно быть понятно, что мнимое или действительное противоречие между заключительной песнью хора (908–1076), с одной стороны, и 527–531 стихами, с другой, остается в своей силе и в том случае, если мы удержим эти стихи на том месте, на котором стоят они в рукописях.

Нам остается представить более или менее вероятное объяснение того, каким путем стихи, находившиеся в автографе Эсхила после 851 стиха, могли передвинуться в позднейших текстах трагедии к 526-му стиху.

Нельзя отрицать существования довольно близкого сходства между двумя указанными пунктами трагедии. В том и другом действующее лицо удаляется со сцены, заявляя хору о своем намерении снова появиться на ней; в том и другом это действующее лицо есть Атосса. Сходство простирается на отдельные выражения в речах Атоссы; в начале первой ее речи стоят слова:

ὦ νυκτὸς ὄψις ἐμφανῆς ἐνυπνίων,
ὡς κάρτα μοι σαφῶς ἐδήλωσας κακά. (518–519),

вторая начинается словами:

ὦ δαίμον, ὡς με πόλλ' ἐσέρχεται κακὰ
ἄλγη

После горестных восклицаний в той и другой речи Атоссы [84] следует заявление о цели, для которой царица удаляется внутрь дворца, и, вместе с тем, о ее намерении снова вернуться на площадь перед дворцом; в 524 стихе она говорит:

ἦξω λαβοῦσα πέλανον ἐξ οἴκων ἐμῶν,

в 849 и следующем стихах

ἀλλ' εἶμι, καὶ λαβοῦσα κόσμον ἐκ δόμων
ὑπαντίαζειν παιδί μου πειράσομαι.

Мы предполагаем, что этим сходством между двумя речами Атоссы было привлечено внимание какого-нибудь грамматика, обладавшего большой начитанностью в произведениях Эсхила, но не знавшего — как это часто бывало — что делать со своей начитанностью. Припомнив по поводу первой речи Атоссы вторую, этот грамматик приписал на полях своей рукописи Эсхила, около конца первой речи Атоссы, последние пять стихов второй (ὕμᾱς δὲ χρῆ... προσθῆται κακόν). Этой припиской он желал дать понять, что означенные стихи могли бы также удобно следовать за 526

стихом, как они следовали за 851-м. Те неудобства, какие проистекают из постановки 527–531-го стихов на место, теперь занимаемое ими в наших рукописях и изданиях, могли ускользнуть от внимания неизвестного грамматика так же, как они ускользнули — сколько нам известно, — от внимания всех новейших критиков и толкователей Эсхила. Неудивительно, что этих неудобств не заметил и переписчик, который внес приписку грамматика в самый текст трагедии: таким образом, одни и те же стихи в одной и той же трагедии появились в двух местах — после 526-го стиха и после 851-го. Тот самый переписчик или другой, писавший с рукописи того первого, встретив после 851-го стиха пять стихов, уже написанных после 526-го, не стал писать их во второй раз, а перешел от 851-го стиха к тому стиху, который в наших изданиях считается 852-м. Эта последняя редакция усвоена тем кодексом, который сделался родоначальником всех сохранившихся до нашего времени Эсхилевских рукописей³.

К «Медее» Еврипида (ст. 234 и 596)⁴

[403] В знаменитой речи Медеи, где с такой удивительной для греческого литературного произведения резкостью «мисогин» Еврипид устами героини заявляет протест против жалкого положения женщины в греческом обществе, стихи 230–237 в той рукописи⁵, которую принято ставить на первом месте между рукописями «Медее», имеют такой приблизительно вид:

230. Πάντων δ' ὄσ' ἔστ' ἔμψυχα καὶ γνώμην ἔχει

γυναῖκές ἐσμεν ἀθλιώτατον φυτόν.

ὡς πρῶτα μὲν δεῖ χρημάτων ὑπερβολῇ

πόσιν πρίασθαι δεσπότην τε σώματος

λαβεῖν κακοῦ γὰρ τοῦτ' ἄλγιον κακόν

235. κὰν τῷδ' ἀγὼν μέγιστος, ἢ κακὸν λαβεῖν

ἢ χρηστόν. οὐ γὰρ εὐκλειεῖς ἀπαλλαγαί

γυναίξιν, οὐδ' οἷόν τ' ἀνήνασθαι πόσιν.

Стих 234 принадлежит к числу труднейших во всей еврипидовской поэзии. Толкования, которым он подвергался, так же разноречивы, как различны средства, которые предлагались и предлагаются для его исправления.

В изданиях до времен Брунка постоянно повторялось взятое Иоанном

³ [Перестановку стихов, предложенную Никитиным, принял в свое издание Г. Вейль: Aeschyli Tragoediae / Ed. H. Weil. Lipsiae, 1884. Praefatio. P. XXVII: Persae: 527–531 post 851 transposuit Nikitine; P. 109: v. 526, 532; P. 120: v. 854, 527–531, 852.]

⁴ [Опубл.: ЖМНП. 1880. Ч. 211. Октябрь. Отд. классической филологии. С. 403–411.]

⁵ В (cod. Vaticanus 909).